

УДК 07.00.09

DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.5281/ZENODO.19813936](https://doi.org/10.5281/zenodo.19813936)

ДОСТУП К ПРОШЛОМУ: КАК ПОЛИТИКА ПАМЯТИ ФОРМИРУЕТ ИСТОЧНИКОВУЮ БАЗУ ИССЛЕДОВАНИЙ О «БОЛЬШОМ ТЕРРОРЕ»

Чеканов Д. Д.

*Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Российская Федерация
Email: stud0000104020@study.utmn.ru*

Рассматривается сложный путь формирования источниковой базы для изучения репрессий 1930-х годов, проходивший в напряженном поле взаимодействия исторической науки, общественной инициативы и государственной политики памяти. Анализируется парадоксальное наследие «архивной революции» 1990-х годов, которая, с одной стороны, открыла доступ к колоссальным массивам документов и породила масштабные проекты по увековечению памяти, а с другой – сменилась периодом регулируемого и ограниченного доступа к архивам, особенно ведомственным. Детально исследуется феномен региональных мартирологов и созданных на их основе электронных баз как нового типа исторического источника, занимающего промежуточное положение между документом и исследованием. Последовательно разбираются острые дискуссии вокруг репрезентативности, достоверности и методологических границ использования этих баз в исторических исследованиях, а также их ключевая роль в становлении социальной истории террора, позволившей перейти от изучения аппарата насилия к реконструкции социального портрета жертв и анализу воздействия репрессий на различные слои общества.

Ключевые слова: политические репрессии, историография, источниковедение, архивная революция, историческая память

Осмысление истории политических репрессий 1930-х годов в СССР невозможно без понимания той уникальной источниковедческой ситуации, которая сложилась в постсоветский период. Этот процесс с самого начала не был и не мог быть сугубо академическим; он развивался в точке пересечения трёх мощных векторов: профессионального исторического исследования, гражданской активности по восстановлению памяти и государственной политики, определяющей правила доступа к прошлому. Исходным импульсом, определившим новые горизонты, стала «архивная революция» 1990-х годов – беспрецедентное по масштабам рассекречивание документов партийных, государственных и карательных органов. Однако «революция» оказалась не окончательной победой гласности, а скорее точкой раздвоения после которой степень и характер доступа к документам стали динамично меняться, отражая общую трансформацию политической конъюнктуры. В результате современный исследователь работает в условиях парадокса: обладая доступом к огромным, уже оцифрованным массивам данных, он одновременно сталкивается с серьёзными барьерами при обращении к первоисточникам в ведомственных архивах. Эта противоречивая реальность сформировала особую зависимость исторической науки от тех проектов по

систематизации и публикации данных, которые были реализованы в основном силами гражданского общества, прежде всего международным обществом «Мемориал». Таким образом, изучение репрессий сегодня – это исследование, опосредованное не только источниками, но и историей их обретения, оцифровки, политического истолкования. Цель данной статьи – проанализировать генезис и эволюцию ключевого комплекса «социальных» источников – баз данных жертв террора, созданных на основе региональных мартирологов, – в контексте взаимодействия науки, памяти и власти, а также оценить их роль в становлении набирающего популярность направления – социальной истории политических репрессий 1930-х гг.

Методология исследования построена на принципах интеллектуальной истории, рассматривающей эволюцию идей в неразрывной связи с конкретными историческими условиями их производства. Такой теоретический ракурс позволяет реконструировать генезис и трансформацию научного дискурса исторической науки. В работе применяется комплекс методов, включающий проблемно-хронологический, дискурсивно-аналитический, компаративный и типологический подходы, что позволяет обеспечить системность и многомерность анализа.

От «архивной революции» к цифровому памятнику: генезис баз данных в пространстве конфликта

Феномен «архивной революции» начала 1990-х годов породил два взаимосвязанных, но во многом противостоящих друг другу процесса. С одной стороны, открытие фондов позволило профессиональным историкам приступить к изучению механизмов террора на уровне центральных органов власти. С другой – оно дало мощнейший импульс низовому, гражданскому движению за восстановление индивидуальной и семейной памяти. Именно это второе направление, движимое не только исследовательским, но и правозащитным и мемориальным импульсом, взяло на себя общество «Мемориал». Его активисты по всей стране начали кропотливую работу по составлению региональных «Книг памяти» – мартирологов, в которых сухие данные из рассекреченных архивных картотек обретали черты первого, пусть и формализованного, памятника. Как отмечает А. В. Путилова, к началу 2000-х гг. такие издания вышли в десятках регионов [9, с. 44]. Однако эти бумажные тома с тиражами в 100–500 экземпляров были символом фрагментированной, локализованной памяти. Их цифровизация и консолидация в единую базу данных стали не просто техническим шагом, а актом создания нового публичного пространства памяти, альтернативного официальному. К 2007 г. в базе данных содержалось около 2,6 млн записей, а к 2017 г. – свыше 3,1 млн на сайте «Жертвы политического террора в СССР» [8]. Проект «Открытый список», основанный на принципах краудсорсинга, пошёл ещё дальше, стремясь превратить базу данных из списка жертв в собрание личных историй, дополнив формальные строки фотографиями, письмами, воспоминаниями.

Параллельно, с середины 2000-х годов, формируется и официальная государственная политика памяти, пытающаяся взять под контроль и

институционализировать стихийный процесс. Её кульминацией стала «Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» 2015 г. [10], декларировавшая создание общероссийской базы данных и единого мемориального пространства. Однако именно здесь проявилось фундаментальное противоречие, определившее дальнейшую коллизию. Государственная логика, признавая сам факт репрессий, стремится к их администрированию: канонизации в рамках подконтрольных музеев, учёту в рамках формальных процедур, интеграции в патриотический нарратив как «трудной страницы» истории. Гражданская же инициатива «Мемориала» исходила из логики расследования и публичности, стремясь к максимальной открытости имён и обстоятельств террора.

Это противоречие проявилось не на уровне риторики, а на практике архивной работы. Государственные декларации о поддержке увековечения наталкивались на глухое сопротивление ведомственных архивов, прежде всего ФСБ. Как отмечал председатель правления «Мемориала» Я. З. Рачинский: «Суды систематически вставали на сторону силовых структур, которые отказывали в доступе к делам или, что ещё показательнее, разрешали только ручное переписывание информации, запрещая копирование, что делало масштабную работу по оцифровке физически невозможной» [2]. Таким образом, создавался порочный круг: государство поручало создать базу данных, но его же органы блокировали доступ к первоисточникам, необходимым для её пополнения и верификации.

В результате к концу 2010-х – началу 2020-х годов сформировалась уникальная ситуация. Существуют две параллельные реальности: декларативная государственная политика памяти с созданным Фондом Памяти, получившим гранты на «прототип системы», и работающий, публичный, постоянно растущий цифровой памятник – базы данных «Мемориала» [1]. Для исследователей ресурсы «Мемориала» остаются практическим инструментом. Это противостояние сделало саму базу данных не просто источником, а артефактом конфликта между стремлением общества к тотальной ясности в отношении прошлого и желанием государства сохранить контроль над историческим нарративом и механизмами доступа к его болезненным страницам истории. Генезис баз данных оказался вплетён не только в историю «архивной революции», но и в историю борьбы за право на память как форму публичной ответственности.

Мартиролог как источник: методология, потенциал и критика

Региональные мартирологи и выросшие из них базы данных заняли особое место в источниковой базе. Как справедливо отмечал В. М. Кириллов, они находятся на стыке публикации источника и исследовательского труда, так как, помимо списков, часто включают аналитические статьи и подборки документов [3, с. 59]. Методика составления справок обычно была двухэтапной: из предписаний на расстрел брались имя и дата, а из следственных дел или картотек – социально-демографические данные (профессия, национальность, образование). Важной методологической особенностью работы «Мемориала» было стремление учитывать

репрессии по максимально широкому кругу оснований, включая административные высылки и осуждение по «бытовым» статьям, что расширяло представление о масштабах террора.

Однако именно производный характер баз стал причиной острой методологической дискуссии. Ряд исследователей указывают, что база данных – это третичный источник, прошедший несколько этапов ручной обработки и потому не могущий заменить работу с оригинальными архивно-следственными делами. Главные претензии касаются проблем репрезентативности. Л. А. Лягушкина и Е. М. Мишина, эмпирически показали, что полнота охвата резко варьируется в зависимости от региона и хронологического периода. Например, по данным Мишиной, по 1935–1936 годам база содержит сведения менее чем о 10–20% репрессированных в РСФСР, тогда как по пику «Большого террора» (1937–1938) в некоторых регионах охват может достигать 40% [5;7]. Существуют и территориальные лакуны: мартирологи отсутствуют в 11 субъектах РФ и во многих бывших союзных республиках. Дополнительные сложности создают технические ошибки при вводе и проблема сопоставления постоянно менявшихся административных границ.

Несмотря на эти существенные ограничения, исследовательский потенциал баз данных оказался огромным и востребованным, особенно в условиях современного ограничения доступа к архивам. Они позволили перейти от абстрактных цифр к конкретным исследовательским задачам социальной истории. Как показала Лягушкина на примере пяти регионов, базы данных позволяют строить социальный портрет жертв, выявляя, например, что основную массу осужденных составляли рабочие и колхозники (49–68%), а среди служащих преобладал низший персонал [5]. Эти данные помогают анализировать не только итоговые результаты террора, но и логику его планирования, сопоставляя социальные группы, намеченные к репрессиям в приказах НКВД, с реально пострадавшими. Таким образом, при условии «аккуратного» подхода – чёткого осознания хронологических и географических границ выборки, перекрёстной проверки и отказа от неправомερных генерализаций – базы данных становятся мощным инструментом для анализа структуры и динамики террора.

Социальная история террора: новые сюжеты и продолжающиеся дискуссии

Доступ к структурированным массовым данным, предоставленный мартирологами и электронными базами, совершил тихую методологическую революцию, дав жизнь социальной истории террора как ведущему направлению. Этот подход кардинально сместил оптику: от изучения центральных механизмов принятия решений к анализу того, как террор «укладывался» на социальную жизнь страны. В центре внимания оказались вопросы: «кто в действительности становился жертвой?», «какова была региональная и социальная логика селекции?» и «как насилие перформативовало ключевые институты и группы?». Количественный

анализ тысяч биографических справок позволил перевести дискуссию из плоскости умозрительных оценок в плоскость верифицируемых социальных характеристик.

Первые работы, подобные исследованиям Л. А. Лягушкиной, эмпирически подтвердили тезис о массовости репрессий против рядового населения. На материале пяти регионов РСФСР она показала, что рабочие и колхозники составляли от 49 до 68% осужденных в 1937–1938 гг., развеяв миф об исключительно «элитарном» характере «Большого террора». Однако новые данные позволили выявить и более тонкие, порой парадоксальные закономерности, выходящие за рамки простого классового подхода. Например, исследование Е. М. Мишиной по Алтайскому краю и Ойротской АО продемонстрировало, что интенсивность репрессий могла позитивно коррелировать с относительным экономическим благополучием территории, измеряемым через покупательную способность населения. Это заставляет пересмотреть упрощённые модели, связывавшие террор исключительно с отсталыми или «неблагонадёжными» регионами. Мишина также детально проанализировала логику национальных операций, показав, что принадлежность к целевым группам (полякам, немцам, латышам) не просто увеличивала вероятность ареста, но и напрямую влияла на тяжесть приговора, приводя к непропорционально высокому проценту смертных казней [7, с. 300].

Социальная история, опирающаяся на базы данных, позволила по-новому взглянуть на механизм принятия решений «на местах». Анализ социального портрета жертв в сравнении с целевыми установками, т.е. «лимитами», спущенными из центра, выявил сложную картину взаимодействия искажений. Как отмечает Лягушкина, местные органы НКВД, выполняя плановые показатели, зачастую «отчитывались» арестами представителей более доступных и менее защищенных социальных групп (сельских жителей, рабочих периферийных предприятий), даже если первоначальные установки могли предполагать иную цель. Таким образом, террор предстает не как монолитный вертикальный удар, а как процесс с собственной «социальной логикой исполнения», где бюрократическая рациональность встречных планов сливалась с прагматизмом исполнителей.

Отдельным и чрезвычайно продуктивным направлением стало изучение воздействия террора на ключевые социальные институты, где репрессии выступали инструментом форсированной трансформации. На материалах Южного Урала С. В. Семёнов показал, как чистка системы образования, направленная против преподавателей с дореволюционным стажем и «неправильным» социальным происхождением, решала задачу окончательной идеологизации и советизации школы и вузов [11]. Уничтожение или изгнание старой академической элиты создавало вакуум, который стремительно заполнялся новой, политически лояльной и зависимой от власти плеяды выпускников рабфаков. И. С. Шилова, развивая эту тему, указывает на стратегию «кнута и пряника»: параллельно с репрессиями власть создавала новые карьерные лифты, материальные привилегии и статус для тех, кто принимал новые правила игры. В результате террор в сфере образования видится не как акт бессмысленного вандализма, а как ключевой элемент социального

инжиниринга, направленного на создание принципиально нового типа интеллигенции как службы режиму [12, с. 273].

Эти исследования в совокупности рисуют картину террора как целенаправленного, хотя и внутренне противоречивого, социального проекта. Он выполнял несколько функций: не только устранял реальных и мнимых противников, но и служил мощнейшим инструментом социальной мобильности (путем освобождения «местов»), дисциплинировал целые профессиональные корпорации, перераспределял ресурсы и окончательно ломал старые социальные связи, заменяя их вертикальными связями зависимости от государства. Дискуссии сегодня смещаются от вопроса о масштабах к вопросу о многофункциональности репрессий и их роли в консолидации сталинского социума, в котором страх и возможность карьеры оказались двумя сторонами одной медали.

Таким образом, три десятилетия, прошедшие после «архивной революции», кардинально изменили ландшафт изучения сталинских репрессий. Главным, хотя и парадоксальным, итогом стало возникновение нового, гибридного типа исторического источника – массовых электронных баз данных, рождённых на стыке гражданской мемориальной активности, профессиональной исторической критики и цифровых технологий. Эти ресурсы, созданные в основном усилиями общества «Мемориал», несмотря на все справедливые упреки в неполноте и опосредованности, совершили революцию в историографии. Они сделали возможным переход от макрополитической истории террора к его социальной истории, позволив увидеть за безликой статистикой сотни тысяч конкретных судеб и выявить системные закономерности в выборе жертв.

Однако это достижение существует в условиях постоянного напряжения между обществом, наукой и политикой. Ограничение доступа к архивам, особенно ведомственным, делает исследователей зависимыми от уже созданных общественных проектов, одновременно ставя под вопрос перспективы их пополнения и верификации. Государственная политика памяти, формально поддерживающая увековечение, на практике часто противоречит ей логикой секретности и контроля над прошлым. Таким образом, будущее изучения репрессий зависит не только от разработки новых методов цифровой обработки данных или постановки новых исследовательских вопросов, но и от того, как будет складываться хрупкий баланс между стремлением общества к знанию и правде и политическими ограничениями на доступ к собственному прошлому.

Список использованных источников и литературы

1. Жертвы политического террора в СССР: раздел сайта Международного Мемориала. Москва. URL: <https://base.memo.ru/> (дата обращения: 13.12.2025).
Zhertyvy` politicheskogo terrora v SSSR: razdel sajta Mezhdunarodnogo Memoriala. Moskva. URL: <https://base.memo.ru/> (data obrashheniya: 13.12.2025).
2. Захваткина А. «Прежде чем возлагать ответственность на НКО, нужно обеспечить нормальный доступ к архивам»: «Мемориал» – о перспективе создания реестра жертв политических репрессий // Агентство социальной информации: [сайт]. 2020. 11 сентября. URL: <https://asi.org.ru/news/2020/09/11/repressii-reestr/> (дата обращения 16.12.2025).

Zaxvatkina A. «Prezhde chem vozlagat` otvetstvennost` na NKO, nuzhno obespechit` normal'ny`j dostup k arxivam»: «Memorial» – o perspektive sozdaniya reestra zhertv politicheskix repressij // Agentstvo social'noj informacii: [sajt]. 2020. 11 sentyabrya. URL: <https://asi.org.ru/news/2020/09/11/repressii-reestr/> (data obrashheniya 16.12.2025).

3. Кириллов В. М. Книги памяти жертв политических репрессий: историография и методология // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 5. С. 53–67.

Kirillov V. M. Knigi pamyati zhertv politicheskix repressij: istoriografiya i metodologiya // Istoricheskij zhurnal: nauchny`e issledovaniya. 2011. № 5. S. 53–67.

4. Лягушкина Л. А. База данных «Жертвы политических репрессий в СССР» как исторический источник // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2010. № 36. С. 74–76.

Lyagushkina L. A. Baza danny`x «Zhertvy` politicheskix repressij v SSSR» kak istoricheskij istochnik // Informacionny`j byulleten` Associacii «Istoriya i komp`yuter». 2010. № 36. S. 74–76.

5. Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти»: специальность 07.00.02 Отечественная история: дис. канд. ист. наук, Москва, 2016. 354 с.

Lyagushkina L. A. Social'ny`j portret repressirovanny`x v RSFSR v ходе Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.): sravnitel'ny`j analiz baz danny`x po regional'ny`m «Knigam pamyati»: special'nost` 07.00.02 Otechestvennaya istoriya: dis. kand. ist. nauk, Moskva, 2016. 354 s.

6. Мишина Е. М. Социальные характеристики репрессированных на Алтае в 1935–1937 годах: анализ базы данных и архивных материалов // Пермь: Вестник Пермского университета. 2014. № 4. С. 45–56.

Mishina E. M. Social'ny`e karakteristiki repressirovanny`x na Altae v 1935–1937 godax: analiz bazy danny`x i arxivny`x materialov // Perm`: Vestnik Permskogo universiteta. 2014. № 4. S. 45–56.

7. Мишина Е. М. Социальный портрет репрессированного на Алтае в 1935–1937 гг.: анализ статистических и архивных источников: специальность 07.00.02 Отечественная история: дис. канд. ист. наук, Москва, 2018. 307 с.

Mishina E. M. Social'ny`j portret repressirovannogo na Altae v 1935–1937 gg.: analiz statisticheskix i arxivny`x istochnikov: special'nost` 07.00.02 Otechestvennaya istoriya: dis. kand. ist. nauk, Moskva, 2018. 307 s.

8. Открытый список: официальный сайт. Москва. URL: <https://ru.openlist.wiki/> (дата обращения: 13.12.2025).

Otkryty`j spisok: oficial'ny`j sayt. Moskva. URL: <https://ru.openlist.wiki/> (data obrashheniya: 13.12.2025).

9. Путилова Е. Г. «Мемориал»: становление. Москва: Перо, 2013. 183 с.

Putilova E. G. «Memorial»: stanovlenie. Moskva: Pero, 2013. 183 s.

10. Распоряжение Правительства РФ от 15.08.2015 № 1561-р «Об утверждении концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» // Правительство России: [сайт]. URL: <http://government.ru/docs/19296/> (дата обращения 14.12.2025)

Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 15.08.2015 № 1561-r «Ob utverzhenii koncepcii gosudarstvennoj politiki po uvekovecheniyu pamyati zhertv politicheskix repressij» // Pravitel'stvo Rossii: [sajt]. URL: <http://government.ru/docs/19296/> (data obrashheniya 14.12.2025)

11. Семенов С. В. Политические репрессии в сфере образования и культуры Южного Урала в 30-е годы XX века: специальность 07.00.02 Отечественная история: дис. канд. ист. наук, Оренбург, 2009. 216 с.

Semenov S. V. Politicheskie repressii v sfere obrazovaniya i kul'tury` Yuzhnogo Urala v 30-e gody` XX veka: special'nost` 07.00.02 Otechestvennaya istoriya: dis. kand. ist. nauk, Orenburg, 2009. 216 s.

12. Шилова И. С. Политические репрессии против технической и педагогической интеллигенции в конце 1920 – конце 1930-х годов: по материалам Пермского региона: специальность 07.00.02 Отечественная история: дис. канд. ист. наук, Тюмень, 2013. 288 с.

Shilova I. S. Politicheskie repressii protiv texnicheskoy i pedagogicheskoy intelligencii v konce 1920 – konce 1930-x godov: po materialam Permskogo regiona: special'nost` 07.00.02 Otechestvennaya istoriya: dis. kand. ist. nauk, Tyumen`, 2013. 288 s.

Chekanov D. D. Access to the past: how memory politics form the source base of research on «big terror»

The article examines the complex process of forming a source base for studying the repressions of the 1930s, which took place in a tense field of interaction between historical science, public initiatives, and state memory policies. It analyzes the paradoxical legacy of the "archival revolution" of the 1990s, which, on the one hand, opened up access to vast amounts of documents and led to large-scale projects for the perpetuation of memory, but on the other hand, was followed by a period of regulated and limited access to archives, especially departmental archives. The article provides a detailed analysis of the phenomenon of regional martyrologies and the electronic databases created on their basis as a new type of historical source that occupies an intermediate position between a document and research. The article consistently addresses the heated debates surrounding the representativeness, reliability, and methodological limitations of using these databases in historical research, as well as their crucial role in the development of social history of terror.

Keywords: political repressions, historiography, source studies, archival revolution, historical memory.